

Микола Агам

УКУС
СКОРПІОНА

Микола Адам

Укус скорпиона

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Адам М.

Укус скорпиона / М. Адам — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Главный герой романа Костя и не подозревал, чем обернется его студенческий роман с девушкой Сашей спустя восемь лет после разрыва с ней. Время не излечило его от любви, несмотря на то, что Саша побывала замужем и родила сына. Однако Саша не так проста, как кажется на первый взгляд. Помимо Кости ее внимание обращено и на Тютрина, с которым также связано прошлое. Героев преследует причудливый, зыбкий, клубящийся мир внезапных встреч и утрат, непредвиденных сцеплений и разрывов, противоречивых эмоций и отрицающих одна другую ситуаций, погружая в слепоту (иллюзорность) и прозрение, которое, в свою очередь, может оказаться мнимым.

© Адам М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	14
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Микола Адам

Укус скорпиона

Любовь – это обладание и самоутверждение.

А. Мердок

Ну, ладно, давай попробуй быть моим Богом, каким-то Богом!..

«Слот»

1

– Алло... Костя... Ты мне нужен!..

Пауза.

– Пожалуйста, не молчи... Мне очень страшно...

Пауза.

– Прости меня!.. Скажи что-нибудь...

– Я тебя слышал.

– Ты сможешь приехать ко мне?

Пауза.

– Ты сейчас в Малиновке¹ или на работе?

– На работе. У меня вторая смена.

– Это хорошо.

– Что хорошо?

– Что ты в Серебрянке². Ты же сможешь ко мне приехать после смены?

– Ты хорошо подумала?

– Ты мне нужен, Костя!..

– Месяц назад ты говорила обратное.

– Я помню. Я была не права...

– А сейчас что изменилось?

– Сейчас ты мне нужен!

– На сколько?

– Навсегда.

– Что-то случилось?

– Мне страшно. Не по телефону, Костя... Я буду тебя ждать... Ты ведь приедешь?...

Пауза.

– Я боюсь выйти из дома без тебя...

– Я приеду. Но только после работы.

– Я поняла.

Пауза.

– Костян!.. Харэ базарить! Штабелер долго будет простаивать?...

– Иду я! Иду!..

Пауза.

– Костя, ты здесь?

– Я не могу сейчас разговаривать. Фура пришла, я на штабелере.

– Я жду тебя после работы, Костя! Мы с Пашей ждем тебя...

– Я приду, Саша. Пока.

Пауза.

– Костян! Долго тебя ждать?...

– Да я уже...

– Уже он...

¹ Микрорайон Малиновка расположен в юго-западной части Минска.

² Микрорайон Серебрянка расположен в юго-восточной части Минска на левом берегу реки Свислочь.

2

Саша положила телефон рядом с собой, подобрала ноги, обняла их руками, прислонясь спиной к стене. Она сидела на тахте, застеленной цветастым покрывалом, в съемной двухкомнатной квартире по проспекту Рокоссовского. Ее шестилетний сынишка на той же тахте играл в Бэтмена на ноутбуке. По телевизору шли мультики про черепашек-ниндзя. В глазах Саши сыночек был героем. Защищал от Тютрина!..

Тот забрал Пашку из детского сада без ее ведома. Какой же идиоткой, верно, Саша казалась воспитательнице, когда пришла за Пашкой.

– А вашего мальчика уже забрали, – сказала ей воспитательница, молодая, наглая, с красными волосами.

– Как забрали?! – не смогла сдержать удивления Саша. – Кто?! Когда?!

– Молодой человек, – продолжала говорить воспитательница, в голосе которой вдруг послышались нотки неуверенности и вины, – с полчаса назад. Он представился вашим другом, сказал, что вы задерживаетесь и не сможете сегодня прийти за Пашей, что вы попросили его сами. Да и мальчик к нему сразу побежал и подтвердил, что пришедший за ним человек его друг.

– Вы должны были мне позвонить! – нервно кусая губы, произнесла Саша.

– Я и хотела сначала, – оправдывалась воспитательница, – но молодой человек был таким убедительным...

– Никогда... слышите, никогда не смейте отдавать моего ребенка никому, кроме меня и его папы, – процедила Саша, – если я предварительно сама не сообщу, что Пашу может забрать кто-то другой.

– Я поняла, Александра Владимировна, – переминаясь с ноги на ногу, виновато потупив глаза, проговорила воспитательница. – Подобного больше не повторится.

– И еще: я этого просто так не оставляю, – заявила Саша в сердцах.

– Это ваше право, – покорно согласилась воспитательница.

– Прощайте! – бросила ей Саша и стремительной походкой покинула территорию детского сада. Она набрала Тютрина. Тот неожиданно быстро ответил:

– Слушаю, любимая!

– Пашка с тобой? – резко спросила Саша.

– Да, мы во дворе около твоего дома, – признался Тютрин.

– Ты вообще охренел?! – закричала девушка в трубку.

– Не кипешуй, малая! – прозвучало в ответ. – Тепло же, весна в самом разгаре. Пускай ребенок насладится природой...

– Это не твой ребенок!..

Саша прекратила разговор, ускорила шаг. Вечернее солнце слепило глаза.

Когда она оказалась рядом с домом, Пашка, худощавый, белобрысый мальчишка, ковылявший палкой в песочнице на безлюдной детской площадке, бросился ей навстречу. Тютрин, сидевший на скамейке неподалеку, словно надзиратель, резво поймал его за воротник куртки. Мальчик закашлялся. Видимо, ему сдавило горло.

– Отпусти его, урод! – накинулась Саша на Тютрина, высокого, спортивного телосложения, чуть ли не на лысо постриженного блондина, с кулаками. Тот, однако, встретил ее ударом в живот. Девушка согнулась пополам, глухо охнув, и рухнула Тютрину под ноги.

– Мама! Мама! – завопил Пашка, вырываясь из рук Тютрина. – Отпусти меня! Я все Косте расскажу! Он тебя убьет!..

– Очень сильно сомневаюсь, – криво ухмыльнулся Тютрин. – Скорее я его инвалидом сделаю, – почесал он перебитый нос и велел Саше: – Поднимайся, дело есть.

– Нет у нас с тобой больше никаких дел, – простила Саша, с трудом вставая на ноги.

– Ошибаешься, – возразил Тютрин. – Ты – моя, запомни это! Никакой Костя тебе не поможет! Если он вдруг появится где-нибудь на горизонте, пожалеет на всю оставшуюся жизнь. Телефон давай!

Не дожидаясь Сашиного согласия, он вытащил мобильный, торчавший из заднего кармана ее джинсов.

– Не пожалеет! – выкрикнул Пашка. – Это ты пожалеешь! Я думал, ты – мой друг, а ты не друг! А Костя – мой самый лучший друг!

– Короче, пошли! – схватил Тютрин Сашу за руку и потащил ее и ее сына к подъезду. – Открывай! – приказал девушке у подъездной двери.

К сожалению, никого, кто бы мог помочь Саше, рядом в это время не оказалось, а случайные прохожие проходили мимо, отворачиваясь или опуская глаза. По крайней мере, девушка так думала. Все произошло очень быстро.

Поднявшись лифтом на шестой этаж, Тютрин втолкнул Сашу с ребенком в квартиру, зашел следом и захлопнул дверь. Мэри, миниатюрная кошечка двух лет, встречала хозяев. Когда Тютрин протянул руку к ней, чтобы погладить, кошка цапнула его за палец, отпрыгнула и шмыгнула под тахту в зале.

– Вот мерзкое животное! – произнес Тютрин, облизывая поцарапанный до крови палец.

– Мэри хорошая! – воскликнул Пашка.

– Что тебе надо? – спросила незваного гостя Саша. Они оба оставались в прихожей. Девушка, скрестив руки на груди, прислонилась спиной к стенному шкафу. Тютрин стоял напротив. Спиной к дверям.

– Откуда столько ненависти? – поинтересовался он.

– Ненависти?! Ха! – возразила Саша. – Много чести! Ты мне омерзителен, но я тебя не ненавижу. Я отношусь к тебе никак, как к пустому месту. Ты сам все изгадил.

– Ты говорила, что любишь меня, что хочешь дочку от меня родить...

– Я любила тебя, Женя! Я этого не отрицаю. Но сейчас я хочу, чтобы ты оставил нас в покое!

– Кого это нас? Тебя и задрота этого очкастого?

– Меня и Пашу.

– Ты – моя, не забывай этого!

– Я – своя, и я не вещь!

– Послушай, если я увижу тебя с другим, я не знаю, что с вами обоими сделаю!..

– Твои угрозы тебе не помогут. Ты сам все испортил. Я давала тебе шанс. Обидела Костю и оттолкнула от себя ради того, чтобы быть с тобой. Ты этого не оценил. Ты только оскорблял меня, унижал и бил. Уходи, или я вызову милицию. Ты мне никто, Женя, и я тебя не боюсь...

– Не боишься?... – перебил Сашу Тютрин, широко улыбаясь.

В следующую секунду его рука метнулась к горлу девушки и сдавила его тисками, впечатав Сашу в шкаф. Она захрипела, инстинктивно вцепившись обеими руками в руку, сжимающую ей шею. Воздуха катастрофически не хватало и почему-то дико захотелось в туалет. Только бы не описаться у него на глазах, таких страшных и пьяных. Он никогда трезвым не появлялся с тех пор, как понял, что обрел власть над ней. Да, ей нравились его грубость и брутальность, криминальное прошлое, которым Тютрин кичился, даже побои поначалу нравились, которые воспринимались как игра, прелюдия к сексу. Дальше стало только хуже. Тютрин не воспринимал ее как личность, лишь как собственность, растаптывал ее и смешивал с грязью. Когда Саша поняла это, чуть не сошла с ума. Променяла Костю на этого подонка! Но тем не менее зависела от него, как наркоманка. Даже сейчас... Дура!.. Дура!.. Дура!..

– Отпусти маму! – в прихожую вбежал Пашка. Он укусил Тютрина за ногу. Тот отшвырнул мальчишку, как котенка, на мгновение ослабив хватку. Этого хватило Саше, чтобы вдох-

нуть воздуха и заехать коленом Тютрину между ног. Тот охнул, отпустив девушку, и закрутился волчком на одном месте, часто дыша, преодолевая боль. Саша выхватила свой телефон и юркнула в туалет, заперлась в нем, посчитав наиболее безопасным местом. Пыталась набрать трясущимися руками номер службы спасения.

Тютрин одним рывком распахнул дверь туалета, вырвав замок «с мясом». Ударил по Сашиной руке с телефоном. Она его не удержала. Телефон куда-то отлетел. Тютрин выволок Сашу за волосы в прихожую, двинул ее головой о дверь стенового шкафа. Пашку запер в детской. Мальчик плакал, кричал, требуя не трогать маму, и царапал ногтями дверь, пытаясь ее открыть.

– Сука! – пнул Тютрин лежавшую на полу девушку. – Успела, сука, мусорам настучать или нет? Отвечай!

– Успела, – прохрипела Саша. – Еще как успела! А ты и обосрался от страха, мудак?...

– Не дожدهшься, – ответил Тютрин. – Хотел же по-хорошему. Это ты виновата!.. – проорал он. – Ладно, я уйду, но обязательно вернусь, слышишь меня? Бабки где твои?

– Не твое дело, – прозвучал ответ.

– Без тебя найду, – буркнул Тютрин.

Он взял ее сумочку, достал кошелек.

– Не смей! – Саша поднялась на ноги, держась за стену.

– А то что? – усмехнулся Тютрин. Он раскрыл кошелек и выгреб все его содержимое.

– Это все, что у меня есть, – заплакала Саша.

– Не сдохнешь, – спрятал деньги Тютрин в карман джинсов. – А пока отдохни.

Он саданул ей в челюсть кулаком. Голова Саши мотнулась и ударилась о стеновой шкаф. Тютрин удержал девушку от падения и бережно уложил на полу. Посмотрев в зеркало трюмо, он сам себе улыбнулся, подмигнул, вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь.

– Мразь... – проскулила Саша, не сдерживая слез. Но она действительно сама была во всем виновата.

Поверила, снова поверила человеку, предавшему однажды...

3

Костя с Сашей познакомились восемь лет назад. Осенью. На чьем-то дне рождения. Из первокурсниц. Она только поступила учиться в кулек, он оканчивал пятый курс.

Нет, сердце его не екнуло и не забухало, пытаясь вырваться наружу. Оно вообще никак не прореагировало. Еще бы, кроме Саши праздничную комнату украшала чертова дюжина первокурсниц, самых разных и на любой вкус. Глаза разбегались, не в силах сосредоточиться ни на одной из них. Рукам повезло больше. Они опустились как раз на Сашину грудь, когда хозяйка вечера решила увековечить момент фотографированием и попросила присутствующих плотнее скучковаться, чтобы всем попасть в объектив камеры. Саша оглянулась, с любопытством посмотрела на Костю снизу вверх в силу маленького роста, но рук его не убрала. Костя бодро ей улыбнулся и подмигнул, мол, все нормально, только в тот момент поняв, где находились его руки. Морально подготовился к возмущению, скандалу и к подаче маленького кулачка в нос. Однако пронесло. Девушка повернулась лицом к камере. На несколько секунд ослепила вспышка.

А потом ничего. Ничего интересного, потому что Костя забыл о ней.

До того момента, пока не пошел дождь. Не тогда, а после, через некоторое время. Он стоял под зонтом. Она – без. Они почти одновременно вышли из общежития на улицу. Саша спешила к метро. Косте было в другую сторону. Но ливень лил безжалостно. Костя не узнал девушку, но что-то ему подсказало, что он обязан ей помочь. Она же промокнет до нитки за считанные секунды.

Скорее всего, она узнала его сразу. Однако не подошла и не попросила провести, поделиться зонтиком, под которым Костя невозмутимо курил. Он всегда курил, стоя на месте, и никогда – на ходу. Вогнув голову в плечи, девушка засеменила по дороге к метро.

Костя смотрел ей вслед. Докурил. Потом побежал за ней. Она успела сделать одиннадцать шагов. Спрятал ее под зонтик, взяв за руку.

– Ой, спасибо большое! – подняла она глаза на него. Цвета светлого чая.

И его словно обожгло. Тепло разлилось по всему телу, в особенности тогда, когда рука девушки оплела его руку и осталась на ней лежать, доверчиво и спокойно.

– Ничего, что я так? – улыбнулась Саша, имея в виду руку на руке.

А улыбкой одарила удивительной! Именно ею девушка и очаровывала всех вокруг. И фигурой она обладала такой же удивительной, как и улыбка. С ростом, правда, не повезло слегка. Она еле доставала Косте до плеча, это на каблуках. Хотя, кто знает, возможно, девушка и должна быть такой, как Саша, ангелоподобной, миниатюрной, блондинистой...

Как же не хотелось, чтобы эта случайная прогулка закончилась! А метро неизбежно приближалось. К нему идти-то всего две минуты, максимум, три от общежития.

– Костя, – почему-то назвал он ей свое имя. Скорее всего, по той причине, что ее имени не помнил и надеялся услышать его в ответ.

– Я знаю, – улыбнулась Саша все так же сногсшибательно. По-другому улыбаться она просто не умела. – Мы знакомились, помнишь, на дне рождения?...

– Конечно! – подтвердил Костя, а куда деваться. Он помнил все, что происходило на том дне рождения, а имя Сашино забыл как назло. – А давай познакомимся заново, – вдруг предложил и продолжал говорить дальше, чтобы не упустить момент и чтобы не разочаровать девушку в самом начале своей плохой памяти, что не свойственно в общем-то для режиссера, на которого учился: – Мы сейчас под этим зонтиком и под этим дождем, как Адам и Ева на райском острове. – Куда его несло? Но остановиться он не мог. – Однако мы с тобой не Адам и Ева, согласись. Поэтому, прошу, просто представь, что зонтик – это остров, на который или под

который прибило только нас двоих, а кругом и повсюду – вода. Нам же надо как-то обращаться друг к другу, чтобы позвать на помощь, когда кто-кто из нас вдруг станет тонуть...

– Александра, – прервала его девушка, назвав свое имя, и мягко добавила: – Саша.

Точно, Саша! Он вспомнил! А как мог забыть?...

Метро приближалось как данность. И ничего нельзя было с этим сделать. Пока Костя вещал про остров, они почти пришли. Спустившись в переход, Костя сложил зонтик, придерживал входные двери в метро, пропуская Сашу вперед. Она купила жетон, направилась к турникету, рядом с которым стоял Костя. Он взял ее за руку и поцеловал по-детски маленькую ладонь. Она улыбнулась, застенчившись.

– Надеюсь, мы еще увидимся?

– Конечно, – не отказывала девушка. – В одном же общежитии живем. Заходи в гости, буду рада.

Саша деликатно освободила руку, помахала на прощание ею и побежала на платформу, к которой подходил поезд. Костя стоял, как столб, и смотрел ей вслед, забыв на то, куда направлялся, когда вышел из общежития, и зачем. Он завидовал в ту минуту больше всего Коле Драничу, соседу по комнате, который учился на одном библиотечно-филологическом факультете с Сашей и даже в одной с ней группе занимался.

В гости к Саше Костя очень стремился. Чуть ли не каждый вечер поднимался на девятый этаж общежития, что на Рабкоровской, приближался к блочной двери, за которой в правой комнате жила Саша, тупо топтался на месте, не решаясь ни постучать в дверь, ни толкнуть ее. Как пацан, волновался и краснел, ноги подкашивались. И ни разу дверь не открылась сама па себе, никто за ней не почувствовал, что творится в коридоре. Мало того, никто не спешил в блок по-соседски, когда Костя там стоял неподвижно с занесенной перед дверью рукой, чтобы постучаться.

Саша, точнее, ее улыбка не выходила из головы. Однако он не искал с девушкой встречи. И все равно расспрашивал Колю Дранича о ней. Но тот так нудно и неохотно рассказывал, она его не интересовала, одним-двумя словами, а как-то вообще огорошил, сказав, что у Саши есть парень...

Ну конечно, у нее должен быть кто-то. При такой внешности и одна – нонсенс. А он раскатал губу... Вроде она знает, вроде догадаться должна, что нравится ему. Да и старый он для нее. Она после школы только, а Косте скоро тридцатник...

И как он себя ни успокаивал, ни втолковывал, что ничего у них с Сашей не получится, не думать о ней не мог. Она начала ему сниться, ее имя он выводил пальцем на оконных стеклах троллейбусов, в которых ездил в театр на репетиции и обратно. А преодолеть себя и хотя бы постучаться в блочную дверь на девятом этаже так и не осмелился.

Как-то в кафе «Березка», что напротив станции метро «Площадь Победы», Костя после репетиции отдыхал с инвесторами его спектакля, которые, кстати, и угощали. Водка лилась рекой, стол от закуси аж ломался, было весело, пьяно и красиво. А потом один из инвесторов заказал девчонкам, занятым в проекте, мороженое, которое принесли в специальной посуде вроде бокалов. И Косте захотелось вдруг взять это мороженое, свалить из кафе и принести его Саше. В то, что снова не решится постучать в дверь, не верилось. Но как вынести мороженое в посуде? Увидят же! Не разрешат. А так хотелось сделать что-то приятное Саше, удивить ее своим вниманием, чтобы она поняла, что небезразлична Косте...

Он вкратце рассказал инвесторам о Саше и о том, что хотел бы угостить ее мороженым именно из этого кафе и именно тем, что стояло сейчас на столе. Инвесторы, как ни странно, Костю поддержали. Среди них выделялась одна женщина, которая даже растрогалась, таким романтическим показалось ей то, что собирался сделать Костя.

Он вылетел на улицу пулей, бегом спустился в метро, забежал в последний вагон поезда, прильнул к стене, осторожно и нежно держа «бокал» с мороженым. Пассажиры во все глаза

смотрели на чудака. Дорогу к общежитию преодолел сам не зная как. Поднялся на девятый этаж, даже не задержался ни на секунду около блочной двери, толкнул ее от себя, вошел в блок и смело постучал в дверь правой комнаты. Костя не знал точно, что должен сказать Саше...

Однако Саши не было. Дверь открыла ее соседка. Он почти не удивился: с его-то везением.

– Я ей передам, не волнуйся, – сказала соседка, беря мороженое. – Поставлю пока в холодильник. Ей будет приятно.

Костя кивнул на прощание и вышел в коридор.

Возникло нестерпимое желание кому-нибудь съездить по фейсу, хотя тот кто-нибудь ни в чем и не виноват. Злость давила веревкой, удавкой сжимая горло. Чтобы не задохнуться, Костя трижды вмазал кулаком по стене, обуздывая злость. Хорошо, что руки были в перчатках, не раскровянил костяшек. А чего он ждал? Чего навывдумывал? Кто он Саше такой? Они виделись всего два раза, и то, как обычные знакомые, даже не близкие. Станет она сидеть и высматривать его, как же: где же это Костя подевался? Чего это он топчется в коридоре, как маленький, и никак не решится зайти?... Все очевидно: пока Костя болтался, как тот дундук, под дверью, его и опередили. В дальнейшем будет наука.

Он не знал, почему относился к Саше иначе, чем к остальным, с которыми очень быстро находил взаимопонимание и чувствовал себя раскрепощенно. С ними, другими, было легко и просто, и Костя не загонялся, если девушка нравилась, брал ее и все. Обе стороны, как говорят, оставались довольными. Тут же немел, «заикался и бледнел», словно в той песне про капитана. А впрочем, все они одинаковые. Гуляет где-то сейчас Саша со своим парнем и знать-не знает... Да и почему она должна знать что-то такое о Косте или догадываться? Она никому ничего не должна.

Не могла же Саша в самом деле читать чужие мысли, причем на расстоянии, и таким образом узнать, что по ней сохнет какой-то там Константин Островский. Не могла. И это факт.

Понуриив голову, Костя поплелся на свой седьмой этаж.

Соседушки-первокурсники где-то разбрелись по своим девчонкам или по сферам интересов. Они в последнее время редко ночевали дома, если домом можно назвать общагу. Тем лучше, спокойнее и тише будет.

Костя разделся, включил телевизор и растянулся на полуторной кровати, принадлежавшей ему, как старшему. Двухэтажные нары из сеток портили вид, но Костя привык за пять лет не обращать на них внимания.

Шел какой-то фильм, такой интересный, что он начал похрапывать. Даже свет выключил, чтобы уже уснуть, если что, и не вставать. А потом в дверь постучали (блочная никогда не закрывалась, так что стучали в его комнату), и так настойчиво, не останавливаясь, что Костя аж подпрыгнул спросонья. Включил свет, глянул на часы. Почти полночь без пятнадцати минут. Кого это принесло так поздно?... Соседи бы не стучали, у каждого есть ключ...

Он открыл дверь. На пороге стояла... Саша. Пустой «бокал» из-под мороженого держала в руке. И радостно улыбалась своей невероятной улыбкой.

– Спишь? – не спрашивая разрешения, прошла в комнату, плюхнулась на кровать.

Костя остался стоять на пороге, лицом к девушке. Он смотрел на нее и, что скрывать, раздевал глазами. Она, видимо, почувствовав, покраснела и плотнее прижала к горлу ворот красного махерового свитера. Ответить он не успел. Саша его опередила.

– А я вот, – сказала, – пришла похвастаться, что съела твое мороженое, очень вкусное, кстати. – Голос ее был звонкий и чистый, как родник. – И лично поблагодарить тебя за такой неожиданный сюрприз. Давно меня никто так не впечатлял.

– Не за что, – наконец выговорил Костя. Он не мог поверить, что Саша у него, что она сидит на его кровати и разговаривает с ним.

– И ты садись, – пригласила она сесть рядом, – будь как дома. А то мне неудобно смотреть на тебя снизу вверх. Всегда голову задирать, знаешь, как неудобно! Ты же высокий, а я маленькая, поэтому давай уменьшай себя скорей.

Костя с удовольствием сел рядом с Сашей, не зная, однако, куда девать руки. То складывал их на груди, то уже через несколько секунд зажимал их между коленями, то вдавливал их в кровать, опираясь поочередно то на одну, то на другую, то чесал затылок, то бороду...

– Все нормально? – спрашивала Саша. – Ты хотя бы рад мне?

– Конечно!

– Я тоже рада, что зашла к тебе, – призналась Саша и тут же укорила: – А ты так и не пришел.

– Не пришел, – вздохнул Костя, вынужденно соглашаясь.

– Ну, теперь уже точно будем ходить в гости друг к другу, да? – заглянула в глаза.

– Саша, я...

Волнуясь от Сашиной близости (вот же взрослый идиот), тем не менее Костя жаждал признаться девушке в своих чувствах к ней. Догадавшись, скрее всего, что вот-вот могло соскочить с его губ, вылиться на ее узкие худенькие плечи, Саша приложила палец к его губам и прошептала:

– Тс-с! Никаких слов!

Она поднялась с кровати. Но он не хотел, чтобы девушка уходила. Подумал, что пролетел. Опять вспомнил, что она никому ничего не должна и ему – никто. Стало так грустно от понимания того, что надежды, на которые рассчитывал, никогда не сбудутся. Его даже выслушать не захотели...

– Я пойду, Костя, – сказала Саша. – Спасибо еще раз за мороженое. – Поболтала пустым «бокалом» перед собой. – А это, – имела в виду «бокал», – можно останется у меня?

Костя кивнул, соглашаясь.

– Спокойной ночи! – пожелала Саша и решительно направилась к двери.

– Я провожу... – не менее решительно предложил вдруг свои услуги Костя.

– Ну, проводи, если хочешь, – умопомрачительно улыбнулась Саша, блеснув глазами. Хилая надежда начала оживать в его сердце.

Костя вошел в блок на девятом этаже вместе с Сашей, не обращая внимания на то, что, возможно, его не приглашали. И точно не приглашали. Было уже поздно. Саша незаметно зевнула, когда они поднимались на ее этаж, однако Костя заметил, как она прикрывала рот махровым рукавом. Соседки ее уже спали.

Неуклюже, будто медведь, он обхватил Сашу руками, придавил к себе и ткнулся губами в ее губы. Она не сопротивлялась, и это его остановило, руки повисли култьями. Виноватый взгляд опустил на носки туфель.

– И чего мы застеснялись? – зашептала вдруг Саша. Она взяла его руки и положила их себе на талию. – Не вынуждай меня разочаровываться в тебе.

Девушка приподнялась на цыпочки, чтобы удобнее было обвить руками его шею, и первой поцеловала в засос.

4

– Костян, ты чё, уснул?! Тормоз?!

Это Мишаткин – высокий, широкоплечий, скуластый грузчик лет сорока пяти. Он стоял на фуре, перемещая рохлей – ручной гидравлической тележкой-с подъемными вилами – к краю кузова поддоны с ящиками, которые Костя должен был снять при помощи штабелера. Штабелер – грузоподъемник с вилами ручной серии SYC – на складе был один, значит, и работал с ним один человек, а для того, чтобы поднять вилы на нужную высоту после очередного спуска поддона с фуры вниз, требовалось время. В случае с Костей образовался вынужденный стопор. Смена из пяти человек ждала одного его, поскольку работа с ножной педалью производилась им недостаточно быстро. Другими словами, он не успевал за остальными. К тому же тем, кто оказались на фуре, – Мишаткину и Максусу, – повезло, что весь груз изначально стоял на поддонах. Обычно приходящие фуры забиты до отказа ящиками вразброс, и их приходилось самим складывать на поддоны, что увеличивало объем и сроки работы. В сложившейся ситуации основная тяжесть труда ложилась на плечи Кости, вернее, на ноги. Процесс работы в основном зависел от него. Двое на фуре всего лишь перемещали груз по фуре, двое внизу отвозили снятый штабелером груз на склад и распределяли его по складу. Косте требовалось поднять вилы до уровня высоты кузова фуры, подвести штабелер к фуре, просунуть вилы под поддон, оттянуть штабелер на себя, чтобы снять поддон с фуры и опустить его на землю. Потом откатить штабелер в сторону, чтобы спущенный поддон могли подцепить рохлей и увезти, и снова поднимать вилы, качая гидравлику ножной педалью.

Учитывая Костино состояние после Сашиного телефонного звонка, легко представить, что ему было не до работы. Хотя именно из-за Саши и ради Саши он оказался в грузчиках. Точнее, обстоятельства так сложились.

Бросив все, работу, дела, друзей, благополучие и комфорт в Борисове, где Костя жил последнее время, он приехал в Минск, сам не зная, на что рассчитывая. Его вела любовь к Саше, которую он больше не мог потерять. Слепая любовь, вынесшая ему мозг и превратившая в того, кем он никогда не являлся. Она изменила его до неузнаваемости, отобрав достоинство и веру в дело, которому он служил. Его ничто не останавливало: ни отсутствие жилья и работы в Минске, ни замужество Саши, ни ее ребенок. Первое – трудность временная и легко поправимая, второе вообще не принималось всерьез, а ребенок Костю обязательно полюбит. Он в этом не сомневался.

К счастью или так карта легла, но когда Костя собирал вещи в Борисове, запихивая их в сумку, ему позвонила сестра и предложила снимать квартиру в Минске вместе. Они никогда особо не общались. Юлька, моложе Кости на пять лет, как выскочила замуж почти сразу же после школы, так и пропала из поля его зрения. Разумеется, предложение сестренки Костю обрадовало, поскольку один он квартиру не потянул бы, а комната – не вариант, разве что на самый крайний случай. Не хозяин сам себе, по опыту знал, не понаслышке. Причины, побудившие Юльку к такому предложению, Костю мало занимали, но из вежливости он спросил, в чем дело. Оказалось, после девяти лет семейной жизни сестра развелась, детей у нее не было, да и не телефонный это разговор. Они договорились встретиться на ж/д вокзале. Юлька обещала ждать брата на платформе, куда прибудет электричка с ним из Борисова.

Они не виделись со дня ее свадьбы, созванивались, конечно, но не более того. Костя, тем не менее, сразу узнал сестру, Юлька почти не изменилась. В кожаном теплом приталенном полупальто с меховыми воротником и рукавами, в обтягивающих джинсах и в кожаных шнурованных полусапожках на каблуках, девушка пританцовывала, согреваясь от январского холода. Ее длинные светлые волосы свободно лежали на плечах, глаза щурились то ли от полуденного морозного солнца, то ли от напряженного поиска брата в несущейся на нее толпе.

– Привет, сестренка! – остановился рядом с девушкой выше нее на голову мужчина в ветровке, в теплом свитере под горло, с черной дорожной сумкой через плечо. Черные с проседью волосы зачесаны назад. Очки. Бородатое лицо дружелюбно улыбалось.

– Костя?! – она явно его не узнала.

– Ну, – подтвердил он. – Обнимемся, что ли?

– Давай, – тут же согласилась Юлька и первую бросилась на шею брату. Костя сжал ее в объятиях и поцеловал в щеку. – Седой, – провела по его волосам.

– Ну так не молодеем, – сказал Костя. – Зато ты цветешь и пахнешь, – добавил.

– Спасибо на добром слове, – зарделась Юлька, высвободилась из объятий брата и взяла его под руку. – Ладно, пойдем на троллейбус.

– Куда поедет?

– Квартиру обживать.

– Ты уже сняла?

– Да, вчера вечером. Так что ты мне должен половину суммы.

– Оперативно ты. Нормальная?

– Тебе понравится. Во всяком случае, надеюсь.

– У меня есть выбор?

– Выбор есть всегда, – ответила Юлька.

Они сели на 64-й троллейбус, чтобы ехать до конечной. По дороге Юлька призналась, что еще не развелась с мужем, но жить с ним, с его родителями и сестрами больше не может, к тому же у нее есть другой. Процесс развода запущен, так что она на стадии ожидания. Работала Юлька в «Альфа-банке» оператором колл-центра, на профессиональном жаргоне, «розеткой». Отвечала на телефонные звонки, консультировала клиентов банка по разным вопросам. Параллельно училась в БГУ на факультете социологии заочного отделения. Муж ее слесарил на моторном заводе, а по вечерам пропадал в гараже, вылизывал свою машину. Машина он ценил выше жены. Внимания, как такого, Юлька не получала даже в начале, как не получала и удовольствия от секса, поэтому появление мужчин, внимательных и заботливых, – следствие поступков мужа. Она не считала себя ни виноватой, ни жертвой. Она – женщина, и хотела ощущать себя женщиной, а не домработницей. Костя ее понимал. Да и как иначе, даже если она была бы тысячу раз не права. Они брат и сестра все-таки, родная кровь... Хотя внешне абсолютно не похожи. Юлька скорее в отца пошла, и характером тоже. Костя – копия матери: тихий книжник, спокойный, добрый, по крайней мере, таким Юлька его помнила.

Они ничего друг о друге не знали, несмотря на родство, исключая лишь то, что помнили из детства. Юлька понятия не имела, что за человек ее брат, так же, как и он не представлял, в кого выросла сестренка. Обстоятельства сложились таким образом, что они оказались вместе, а может, закономерность. В случайности ни Костя, ни Юлька не верили.

Они вышли на конечной, перешли дорогу, немного вернулись назад и повернули направо. Дом по улице Есенина, в котором им предстояло жить, одноподъездный столбик с длинными глубокими тамбурами на каждом этаже, встретил глухонемой настороженностью в виде четырех человек, общающихся между собой языком жестов. Юлька поздоровалась с ними, Костя кивнул, те заулыбались.

Квартира выглядела просторной, несмотря на обилие мебели: шкаф у стены слева, два дивана, один побольше, другой поменьше, обитые плюшем, над тем диваном, что побольше – книжные полки без книг; у окна справа – телевизор на тумбочке, дальше раздвижной стол, компьютерный стол, стул, кресло, обитое плюшем; пол паркетный. В прихожей тоже имелся шкаф и антресоли. Кухня была хоть и маленькой, за счет балкона, но с недавним ремонтом, новой мебелью и подвесным потолком.

– Располагайся, – сказала Юлька Косте, – пока. Я, думаю, к вечеру переберусь.

Костя развалился на диване, вытянув ноги.

– А сейчас куда? – спросил он.

– К мужу, – ответила сестренка, – за вещами.

Она ушла, и Костя остался один. Он позвонил Саше, сообщил, что приехал в Минск и уже снял квартиру. Саша пообещала, что обязательно заедет к нему в гости, и посоветовала, не откладывая, искать работу.

Он и не откладывал. Еще в Борисове решил, что придется податься в грузчики. Времени ходить по столичным театрам и показывать себя не будет, хотя нереализованные амбиции рвались наружу, как загнанные волки, почуяв столичный дух и море возможностей. Успеется. В сложившейся ситуации приоритет отдавался, к сожалению, быстрому и действенному способу зарабатывания денег. Помимо оплаты квартиры требовались средства на прожитие, не считая сумм, которые обязательно должны быть на кармане при встречах с Сашей. Работа грузчиком, по мнению Кости, подходила как никакая другая, разумеется, временно, пока все не устаканится. Он не стыдился своего выбора. Отец всю жизнь проработал грузчиком, и его многие уважали. Саша тоже поддержала Костю. Поэтому он ни секунды не раздумывал, когда набирал номер, оставленный для связи на одном из сайтов по поиску работы, компании «Биарком». Костя просто тыкнул пальцем, как в небо, закрыв глаза, в список предложений работодателей, положившись на удачу.

Ему повезло. Приятный женский голос сообщил, что Костя может приходить прямо сейчас на склад по Второму велосипедному переулку и приступать к работе немедленно, если его устроят условия труда и оплата. Естественно, Костя не мешкал. 64-м троллейбусом он доехал до Дружной, а там 127-м автобусом домчался до проспекта Рокоссовского и вышел напротив Гиппо. Склад находился в трех минутах от супермаркета.

Частное предприятие «Биарком» являлось поставщиком товаров народного потребления. Продукция, предлагаемая компанией, производилась в разных странах мира, как в близлежащих, так и в странах дальнего зарубежья, имела высокое качество благодаря многолетним совершенствующимся технологиям партнеров компании. Покупателю предлагался широчайший ассортимент продукции, состоящий из более чем четырехсот наименований продукции чайно-кофейной группы, кондитерских изделий, продуктов быстрого приготовления известных торговых марок, презервативов, зажигалок. Также компания предлагала быструю доставку до конечного потребителя и индивидуальный подход к каждому клиенту.

Помимо погрузочно-разгрузочных работ в обязанности Кости и остальных грузчиков входило комплектование товара согласно заявкам. График работы предоставлялся посменный, пятидневный: первая неделя – с восьми утра до четырех дня, вторая неделя – с четырех дня до двенадцати ночи. Во время второй смены зачастую случались переработки до двух-трех часов ночи, иногда до восьми утра. Если была необходимость выйти в выходной день – смена оплачивалась в двойном размере. Каждая смена состояла из пяти человек, включая бригадира смены.

Костя поначалу оробел, оказавшись на складе, увидев, куда он попал. Мысли его и ноги криком кричали: беги отсюда. Бетон пола, стен и высокого потолка в обнимку с пылью обрушились прессом на мозг и вдавили серое вещество в черепную коробку, даже не расплескав ни капли, намертво. Костя задыхался, как астматик, скорее на улицу, прочь из этих стен, заставленных штабелями различных по виду и по размеру коробок, глотнуть свежего воздуха... Проходившие мимо занятые грузчики толкали его, насмешливо ухмыляясь. И было понятно, почему. Что забыл здесь этот интеллигентного вида очкарик?

– Курышь? – взяв за плечо, Костю отвел в сторону Заза – кладовщик, сорокалетний худощавый грузин с почти лысой головой и трехдневной щетиной. Это он объяснял ему несколько минут назад принцип и условия работы на складе в комнатке-офисе, расположенной неподалеку от входа на склад, где кладовщики переодевались, где имелись компьютерный стол непосредственно с компьютером и принтером, микроволновка, электрочайник.

– Что, простите? – не понял Костя, все еще находясь под впечатлением от увиденного.

– Курышь? – повторил вопрос Заза, доставая сигареты. Видимо, он почувствовал интуитивно или инстинктивно состояние нового соискателя и пришел на помощь.

– Пожалуй, – кивнул Костя.

– Ну, пошли тогда, – увлек Костю Заза за собой.

Они вышли на улицу. Свежий воздух едва не сшиб Костю с ног апперкотом. Он часто-часто открывал рот, как выброшенная на берег рыба, хватая кислород, словно жаба, охотящаяся на комаров.

– Дышы, дышы, – поддержал его Заза. – Нэ ты пэрвый.

Костя достал сигарету, прикурил, вроде полегчало после нескольких затяжек.

– Я нэ спрашиваю тебя, зачэм тебе это надо, – продолжал Заза, – но если останешься, вэлком.

– Останусь, – твердо произнес Костя.

– Ну, тогда завтра прыходи к восьми утра.

– Приду.

– У нас ничего сложного нэт. Нагрузка, в основном, на ноги. Побегать придется по складу, собирая заяуки.

– Я приду.

И он пришел, и работал уже пятый месяц, когда позвонила Саша...

5

– Костя работает мэдленно, но вэрно, – произнес Заза, не обращаясь ни к кому и ко всем одновременно. – Видимо, ему никуда нэ надо, – продолжил он развивать свою мысль. – Куда Косте торопиться? Детэй у него нэт. Никто его не ждет дома. Наверняка он хочет задержаться на складе до утра.

– Костян! – снова Мишаткин. Ему задерживаться на работе очень не хотелось, да и никому в общем. Он был отцом четырех девочек мал-мала меньше: поздно женился, молодость потратив на развлечения и наркотики в Голландии, куда уехал в начале девяностых, а вернулся в 2001 году. Собственную двухкомнатную квартиру на Энгельса в доме, где жили Короткевич и Глебка, окнами на резиденцию президента, он сдавал иностранцам, для себя и семьи снимал дом под Боровлянами. – Ускорься уже! Одного тебя ждем!

– Покурыте, хлопцы, – предложил Заза, закуривая первым. – Повезло, что заявок покуда нэту.

Закурили Мишаткин, Гена и Серега. Макс не курил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.